

И. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

Лирика Вячеслава Иванова

<Фрагменты>

Лирика и драматическое действие являются синонимами поэзии, вернее, двумя ее основными обликами. Современная критика давно уже отказалась от классификации «видов» и «жанров» литературы, поняла, что невозможно дать определение романа, поэмы или повести. Упорствуют лишь одни формалисты¹, но дух поэзии ускользает от них как античный Протей — от слишком ярых своих обожателей. Стремясь охватить форму, овладеть ее тайной, критики этой школы видят в руках своих лишь песчинки, да ракушки, да горькую морскую пену; божество же — неуловимо, пребывая единым во всех своих ликах. И это идеальное единство выражается либо действием, передающим ритм явлений, раскрывающим извечный театр жизни, либо лирической, страстной волною.

Приходится часто читать и слышать о том, что Вячеслав Иванов — большой мастер, в совершенстве владеющий формой (как будто форму можно механически отделить от содержания), что философские его домыслы хоть и туманны, но чрезвычайно значительны; все признают также, что в истории литературы он сыграл выдающуюся роль как вождь русских символистов. Но мнения эти, столь распространенные, не имеют прямого отношения к истории поэзии. «Заслуги» вождя и учителя — все же заслуги преходящие, философские построения не улучшают плохих стихов и не украшают хороших. Кроме того, следует заметить, что самое понятие — философская поэзия — не очень ясно и не вполне убедительно. Надлежит еще выяснить, что именно понимается под философией (логика, психология и некое всеобъемлющее любомудрие?).

Не в этом значительность Вячеслава Иванова. Подобные мнения возникли из непонимания произведений этого замечательно-го лирика, непонимания, сдобренного холодной почтительностью и благонамеренным равнодушием.

Лирика Вячеслава Иванова, преобладающая в его творчестве над началом драматическим (даже в «Прометее» и «Тантале»), принадлежит не только замкнутому периоду русского символизма, но и вечным анналам искусства. Она исполнена космического эротизма, преобразующего мир, будящего древний хаос. Силу эту, вечно действующую в мире, эллины называли Дионисом, сопредельным братом Аполлона.

Диониса видений Вячеслава Иванова принимали часто за некое абстрактное построение, за эрудиционную прихоть эллиниста. Забыто было свидетельство Блока (в статье о символизме), говорившего о том, что он видит так же ясно, как и явления «реального» мира, зарницу, вспыхивающую над бровями бога Вакха, посетившего поэта:

Полуотрок, полуптица,
Над бровями туч зарница
Зыблет тусклый пересвет².

«Многие держат тирс, но не многие одержимы Богом», — писал апостол Павел³, перефразируя гомеровский гимн. Одержимость Дионисом Вячеслава Иванова — подлинна. И трагична. «Лирика — не развлечение, не времяпрепровождение, — как-то сказал поэт одному из своих друзей, — тот, кто испытал лирическое волнение, знает, что оно иссушает все силы, преследует, испепеляет». <...>

<...>

Вакхическое начало ощущается в глубинах нашего духа. И дух наш воспринимает под его знаком стихийную жизнь вне своего внутреннего мира. Логика не знает, что с ним делать, философия в нем не нуждается, но поэзия — мертва без его присутствия. Об этом душевном состоянии нельзя говорить, облакая свою мысль аллегорией, где дважды два — четыре; о нем повествуют символы, столь же вечные, сколь и сама поэзия. Символы приоткрывают сущность Диониса, приближают нас к сокровенному, страшному смыслу его явлений. <...>

<...>

Подобно тому как сам Дионис в античных мистериях был одновременно и богом и жертвою (чьи символы — бык и двуострая секира), поэт, им одержимый, получает в удел весь мир и миром приносится в жертву. В лунной балладе (из книги «*Cor ardens*») поэт ощущает себя жрецом храма Дианы близ Рима. Латинское предание о жреце озера Неми, убивающем своего предшественника, чтобы самому пасть от меча того, кому суждено ему наследовать, Вячеслав Иванов претворил в миф о художнике — жреце и жертве.

Тот, кого преследует Дионис, всегда взволнован, ощущая мир во всей его полноте, во всей его трагической торжественности. Он испытывает не только радость, но и ужас, прозревая сокровенный лик. В экстатических строфах «Менады» чувствуется, что еще немного — и смерть паразит дерзающего <...>

<...>

Дионис безжалостен, но без его сошествия творчество, казалось, невозможно. И тем удивительней было для знатоков и любителей поэзии Вячеслава Иванова его «отречение» от богов Древней Греции, написанное после того, как в Баку в 1923 году появилось большое его исследование «Дионис и прадионисийство», над которым он работал около тридцати лет.

«Отречение» это дошло до нас в списке. Кажется порой, что вернулись мы к Средним векам, когда стихи поэтов распространялись в рукописных изданиях. Я беру на себя смелость писать о неизданных произведениях автора, скрывающегося в итальянской глуши, и даже привести в моей статье некоторые новые его стихотворения, без которых нам не были бы понятны пути его творчества.

Итак, поэт дионисийских восторгов, ученый, проникший в тайны античных мистерий, написал покаянную песнь — Палинодию, уединясь в предгорьях новой Фиваиды:

И твой гиметский мед ужель меня пресытил?..
 Ужели я тебя, Эллада, разлюбил?
 ...я слышал с неба зов:
 «Покинь, служитель, храм украшенный бесов».
 И я бежал...

И в ответ на *terrorantiquus*⁴, на разымчивую игру дионисийских флейт, в душе поэта прозвучало: *AveRoma!* Слава Риму,

спасающему своей строгой стройностью от вакхического мятежа, от мистических оргий Востока. Потряслись основы гуманизма и европейской культуры (вспомним «Переписку из двух углов»), но катастрофы свидетельствуют о полноте времен, о грядущем торжестве Града Божия. В уединенье избранные возвещают: DeCivitateDei*.

Вячеслав Иванов пишет римские сонеты. Все пути ведут в Рим. Один из титулов вечного города — ReginaViarum**. Напрасно поэт думал некогда, что возможно избежать его чар, отвергнуть им возвещенные истины. Он снова возвратился в Вечный Город. <...>

<...>

И в то время как продолжают «ристанья на мировом ипподроме» и за осью ломается ось у предельной меты, среди всех потрясений и всех пожарниц один Рим пребывает величавым зрителем. Уже не первую катастрофу видит он. Рушилась Троя, ныне пылает Россия. В Риме, по свидетельству Вергилия, возродилась Троя, в нем — залог будущих обновлений. Достигшему поворотной меты открывается новый путь в столицу христианского мира:

Вновь арок древних верный пилигрим,
В мой поздний час вечерним AveRoma
Приветствую, как свод родного дома,
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим.

Мы Трою предков пламени дарим;
Дробятся оси колесниц меж грома
И фурий мирового ипподрома:
Ты, царь путей, глядишь, как мы горим.

И ты пылал — и восставал из пепла,
И памятливая голубизна
Твоих небес глубоких не ослепла.

И помнит в ласке золотого сна,
Твой вратарь, кипарис, как Троя крепла,
Когда лежала Троя сожжена.

---

* О граде Божиим (лат.).

** Царица путей (лат.).

Там, где некогда Гоголь создавал свою кошмарную поэму о России, где Александр Иванов зарисовывал видения, его мучившие среди узких улиц и просторных площадей царственного Града, Вячеслав Иванов переживал новые откровения, претворяя их в стихи — совершенные, ясные, слегка печальные, как спокойные римские вечера. Преходящие земные образы, памятники древности и сама природа показались поэту неизменными, вечными. Барочные фонтаны и тяжелые монументы позднего Ренессанса перестали свидетельствовать о прихотях Seicento и Settecento*, слились с классической стариной, приобрели в его глазах античную торжественность. Фонтанам Рима посвящены несколько сонетов этого цикла, где ясность сочетается с умиротворенностью и меланхолией.

<...>

Царственность Рима поистине — в изобилии воды. Это полноводье ощущается как преизбыток жизненных сил, как преизбыток благодати. И всем фонтанам Града счастливый и грустный поэт слагает размеренный гимн, чей восторг стеснен романской стройностью сонета

<...>

Наряду с вакхическими откровениями в лирике Вячеслава Иванова ощущалось всегда иное, торжественно-умиротворенное начало. Порой даже казалось, что в величавом этом ладе — вся его поэзия. Вспомним стихотворение из «Corardens», посвященное Валерию Брюсову (MifurleSerpianiche. — С тех самых пор и стал я другом змей. — Ад. XXV. 4):

Уж я топчу верховный снег
Алмазной девственной пустыни.
Под синью траурной святыни;
Ты, в знойной мгле, где дух полыни,
Сбираешь яды горьких нег.

Неприятие мира, люциферические устремления Брюсова Вячеслав Иванов ощущал как низшие ступени духовной лестницы, неминуемые, но и преодолимые. Все же его величавое совершенство, его алмазная *пустыня* под сенью *траурной* святыни не были радостны. Сам поэт в те времена, конечно, не со-

---

* XVII и XVIII столетия.

гласился бы с этим домыслом и указал бы на следующую строфу того же стихотворения:

И я был раб в узлах змеи,
И в корчах звал клеймо укуса;
Но огонь последнего искусства
Заклял, и солнцем Эммауса
Озолотились дни мои.

Надлежит также привести замечательное его стихотворение «Путь в Эммаус»; но как понять страшное это обращение к Брюсову:

Как День, ты новой мукой молод;
Как Ночь, стара моя печаль.

И пусть «в отрешенный холод крестилась дышащая сталь» его души; он был тогда еще сам во власти праматери-Ночи, радионисийского божества, требующего человеческих жертв.

В гениальной трагедии «Тантал», до сих пор не понятой и не оцененной, поэт вообразил судьбу полубога, достигшего предельного благополучия, доступного земнородным... и пресытившегося. В первом действии мы видим царя Тантала на титаническом престоле, высеченном в дикой скале. У ног его простираются его обширные владения. Охваченный скорбью всеобладания, жалуется он божественным нимфам:

От Зевса, девы, зачала меня Плуто.
И — первенец — я на сосцах Обильной спал.
Зовусь: Избыток; и слыву: Богачество.
Бессмертным я содружник. И какой бы дар
Измыслил мне Кронос? Небожителей
Блаженней, девы, Тантал... и печальнее.

Чего б алкал я, тем я сыт. За чем бы длань
Простер — на лоне. И наречь бессилен дух,
Чего, незрячий, волит в несказанной тьме —
От исполненья гладен, от избытка тощ,
Нищ — невозможным, совершенным — пресыщен.

Оскорбленный преизбыточностью небожителей, Тантал хочет стать солнцем, не получать от богов, озарять их. В богоборческом бунте увлекает он своих свойственников: царей Иксиона и Сизифа. Но боги низвергают мятежников в тартар. В последнем действии раскрывается «темное видение висящего в воздухе Тантала. Обеими руками он поддерживает нижний край огромной потухшей сферы»:

Тантал, где твое солнце? Где...
Темной окаменев громадой,
Повисло тяжко,
Тебя подавив, твое темное солнце,
И рухнуть грозит
На тебя твое мертвое солнце...

Тогда над первомучениками античного ада Танталом, Сизифом, Иксионом слышится вещий, бессвязный шепот судьбы:

Из солнца — солнце. Горе солнцу! Бог богов
Родил. Померк родивший... Я была твоей.

Полнота обладания всеми сокровищами мира показалась поэту трагически несовершенной:

От исполненья гладен, от избытка тощ.
Нищ — невозможным, совершенным — пресыщен.

Со временем Вячеслава Иванова перестало удовлетворять горделивое сознание того, что он достиг классических вершин искусства, что горизонт его раздвинут, что он видит дали, недоступные его сверстникам, будь то Брюсов или иные посвященные, собирающие «яды горьких нег» в теснинах русского модернизма. Он отверг также путь богоборческого ницшеанского бунта, поняв, что человек не может стать солнцем, сколь ни стремился бы он к полноте и сколь близок от нее ни был. Оставалось единое прибежище — вакхов буйный хмель, восторг мусикийского самозабвенья.

И вот, уже после войны и революции, под авзонийскими небесами, поэт обрел вожденную солнечную ясность, ибо исполнились сроки и отступили искушения. И если он в своей Палинодии

отказался от Дионисовых таинств, он не отверг Аполлона (стихи: «и тел надменных свет, и дум Эвклидов строй» отражают сиянье не дневного бога, но вечернего Люцифера). В совершеннейшем стихотворении римского цикла «MontePincio» умиротворенность и ясность его духа нашли себе полное выражение:

Пью медленно медвяный солнца свет,
Густеющий, как долу звон прощальный;
И светел дух печалью беспечальной,
Весь полнота, какой названья нет.

Не медом ли воскресших полных лет
Он напоен, сей кубок Дня венчальный?
Не Вечность ли свой перстень обручальный
Простерла Дню за гранью зримых мет?

Зеркальному подобна морю слава
Огнистого небесного расплава,
Где тает диск и тонет исполин.

Ослепшими перстами луч оцупал
Верх пинии, и глаз потух. Один
На золоте круглеет синий купол.

Полнота отныне ощущается поэтом как дар вечности, как достояние свободы, исключаящей всякое богоборчество. В раннем своем стихотворении, посвященном Владимиру Соловьеву, поэт внемлет голосу самой Красоты (божества платонического мира), вещающей:

Радостно по цветоносной Гее
Я иду, не ведая куда;
Я ношу кольцо,
И мое лицо —
Кроткий луч таинственного «Да».

Ныне сама вечность простерла свой обручальный перстень преходящему дню поэта. Красота более не нуждается в кольце Адрастеи. И даже тогда, когда скрывается дневной Аполлон, на золоте вечернего неба круглеет символ вечности — синий купол собора Св. Петра.

Не станем оспаривать или защищать католическое умонастроение Вячеслава Иванова. Критик должен восстановить внутренний мир поэта, единственный, неповторимый. И он вправе отложить все иные попечения.

Лишь у глубоко второстепенных авторов первая книга — лучшая. «Война и мир» зрелее «Кзакаов», «Буря» — совершеннейшее произведение Шекспира; последние трагедии Корнеля, не понятые своим веком, оклеветанные степенным Буало, открывают нам тайны творчества французского поэта полнее, чем его подражательный «Сид». Путь Вячеслава Иванова — путь совершенствования и восхождения. Первая книга поэта «Кормчие звезды» уступает во многом «Corardens», «Прозрачности» и «Нежной Тайне», ибо в ранних стихах Вячеслава Иванова мысль не всегда претворена в фантазмы, не всегда оправдана лирическим волнением. Но с тех пор как отшельника северной Башни посетил неистовый Дионис — до ясных римских откровений, Амор — поводырь поэтов, вел его, как некогда Петрарку — «delpensieralpensieredelmontealmonthe»*.

К сожалению, произведения Вячеслава Иванова последнего периода нам почти что недоступны. Мне случилось ознакомиться по рукописи, до меня случайно дошедшей, с замечательным его лирическим циклом «Человек», свидетельствующим о единстве рода человеческого, о древнем и новом Адаме-Кадмоне, но я не смею говорить подробнее об этой поэме, столь важной для понимания духовного пути поэта, руководствуясь лишь первоначальным, поверхностным впечатлением. Появления в печати новых стихотворений Вячеслава Иванова мы ожидаем с понятным нетерпением.

1930

Отречение от Диониса

Почти вся жизнь Вячеслава Иванова прошла под знаком Диониса. Лирический поэт и автор трагедий, он проповедовал, что художник одновременно жрец и жертва, посвященный и обреченный. Явление бога-Вакха преследовало поэта, и там, где

---

* «От мысли к мысли и от вершины к вершине» (*итал.*).